

Кроме тебя...

Я порвал все твои фотографии. Но это не помогло. Я помнил тебя. Я уехал за тридевять земель и больше не возвращался. Но это не помогло. Я помнил тебя. Я встречался с другими, и меня любили. Но это не помогло. Я помнил тебя. Я напивался—вусмерть, как сапожник, как бич, как последняя тварь. Но это не помогло. Я помнил тебя. Я женился, обзавёлся детьми, стал домовитым. Но это не помогло. Я помнил тебя.

Я старею. Всё выветривается из памяти. Всё. Кроме тебя.

Заветные слова

Есть в нашем сибирском городе, на левобережье, такие особые «достопримечательности», которые лучше всего видны издалека. А вот если совсем рядом с ними стоять, то наоборот—можно ничего и не заметить. С реки, а тем более с Коммунального моста, видны эти «достопримечательности» всем проезжающим и проходящим отчётливее всего. Впрочем, возможно, нечто подобное и в других населённых местах есть, не знаю, но у нас-то их не заметить никак невозможно. Ибо глаза от тех надписей девать абсолютно некуда.

Набережная у нас красивая, гранитная, как в Питере. Только весь этот самый гранит возле моста испещрён здоровенными буквами, составляющими слова с примерно одним и тем же смыслом. Где белым, где цветным мелом, а где и масляной краской они прописаны. Да на такой высоте, на какую ещё и не всякий-то заберётся! Вроде как нехорошо на гранитных плитах писать—в конце концов, это ж не какие-нибудь строительные заборы, а лицо города. Городские службы борются с вредной молодёжной привычкой регулярно, да толку до сих пор немного. Место прежних тут же занимают новые надписи того же содержания.

А оно—простое, бесхитростное: «Оля, я тебя люблю» или «Машенька! Ты лучше всех! Жить без тебя не могу»,—ну и так далее.

Десятки лет я—невольный очевидец таких надписей. Лют ли осенние дожди, мечутся ли зимние снега по улицам, сияет ли весеннее солнышко, парит ли над изнывающим городом летний зной—заветные слова всё так же виднеются на своих местах. Меняются имена и конкретные

фразы, но суть остаётся той же: признание в любви к чьей-то вполне конкретной персоне, о чём, судя по размещению, непременно должен знать весь город. Настолько велики испытываемые чувства.

И как только не пытались отвадить городских мальчишек и девчонок (да-да, и девчонок тоже!) от такой привычки—ничего не помогает!

А ведь на самом деле—всё сущее зиждется на любви, той самой любви, о которой они, бесшабашные и в то же время ранимые подростки наши, так отчаянно повествуют всему миру! Громко, открыто, искренне! Вот и подумалось мне однажды: может быть, зря мы, взрослые, боремся с этой неформальной традицией? Что, если и город наш до сих пор стоит на великой сибирской реке лишь потому, что Коля любит Олю, а Маша любит Сашу?

«Любовь никогда не перестает...»—говорится в послании апостола Павла. И пока жива на свете эта самая доверчивая, не перестающая любовь—земля наша пребудет вовеки!

Море любви

Самое большое в мире море—это море любви. Берегов у него нет. Но в нём много островов. Некоторые из них ещё не открыты никем и ждут своего часа. А многие—обитаемы. Там живут влюблённые люди и растут глубокие чувства. В их тёмных зарослях, словно гигантские радужные бабочки, порхают ночные поцелуи и светятся влюблённые взгляды. А в тростниках возле самой воды шепчутся самые нежные слова, доступные слуху лишь тех, кто искренне любит.

Тук-тук

«Тук-тук!»—постучалось сердце. «Открыто!»—встрепенулся ветер в голове и влюбился без памяти. Пришло время, прошло и вышло. «Тук-тук!»—постучалось сердце. «Кто ты?»—удивилась память. «Кто ты?»—отозвалось эхо. И всё исчезло. Всё. Кроме любви.

Земляника

Одному мальчику очень, очень-очень-очень-очень-очень-преочень нравилась девочка из параллельного класса. И ему очень хотелось, чтобы она его тоже хотя бы немножечко полюбила. Но девочка его не любила. Совсем. Это была

ужасно честная девочка, когда дело касалось таких вопросов, поэтому она сразу сказала мальчику всю правду и тут же сбежала с уроков с другими мальчишками в кино, где в темноте можно гыгыкать, грызть семечки на пол и просто потихоньку баловаться, щипаться и тискаться.

Мальчик грустил. Он всё ждал чего-то, надеялся на что-то. От билетов в кино на следующий раз девочка отказалась. Ответила, что собирается учить уроки и торопится домой. Мальчик поверил. Любящие всегда верят. На самом деле девочка зашла за угол дома и побежала к речке, до самого вечера она то бросала камушки-«блинчики» по воде, то качалась на качелях, то ела мороженое в парке—с теми же прогульщиками-одноклассниками.

Вот так они и жили. Когда начались вечеринки с танцами, девочка танцевала со всеми, кроме него. Куда бы он ни приглашал её—в театр, в цирк, в музей или даже на концерт её самой обожаемой рок-группы, она непременно находила повод не идти с ним никуда. Каждый день он приносил ей свежий букет цветов, но она даже в руки их не брала. Тогда он стал складывать эти букеты у порога её квартиры. Она просыпалась, открывала дверь, видела на пороге цветы и с тяжким вздохом выносила их на помойку.

Одноклассники сначала дразнили его. Потом подшучивали. Потом жалели.

Потом махнули рукой. Ему все говорили одно и то же: «Уймись, она не любит тебя. У тебя нет ни одного шанса из миллиона». А он печально кивал головой и всё равно любил девочку. Сердцу ведь не прикажешь.

И вот однажды летом все ребята поехали в загородный лагерь. Лето стояло сухое и жаркое. В ближнем лесу от жары прежде времени осыпались почти все земляничные цветы, и потому в положенный срок никто не смог найти ни единой ягодки. Как-то раз в столовой мальчик нечаянно услышал, как девочка громко делилась с подружкой своей мечтой поесть земляники. Хотя бы кружечку. Или горсточку даже.

В этот же день мальчик исчез. Его искали всю ночь, звали. Не нашли. И на вторые сутки о нём ничего не было известно. Только повариха сообщила начальству, что из столовой исчезло большое эмалированное ведро. Ничего не дали поиски мальчика и на третий день.

На рассвете четвёртого дня в большой спальной комнате, где ночевали девочки, с тихим скрипом открылась дверь, и из предутреннего тумана появился мальчик с большим эмалированным ведром в руках. По комнате стал растекаться ароматный земляничный дух. Мальчик тихонько босиком прошёл к девочкиной кровати и поставил возле неё ведро, доверху наполненное земляникой. Девочка спала и блаженно улыбалась чему-то

во сне. Мальчик наклонился над её лицом. Ему нестерпимо хотелось поцеловать девочку.

Но тут одна из девочек в комнате проснулась и, заметив посреди помещения кого-то непонятного в грязной одежде, да ещё с ведром, спросонья и с перепуга закричала диким-предиким голосом. Через мгновение мальчик исчез.

Ни боли от укусов насекомых и ссадин, ни голода от трёхдневных скитаний, ничего, кроме счастья, ничего, кроме любви, мальчик не чувствовал. Он бежал в ободранной грязной одежде по тропинке, ведущей к лесу, и блаженно улыбался всему на свете. Улыбался точно такой же улыбкой, какой улыбалась во сне его девочка...

Любовь по-татарски

Была у моей бабушки старшая сестра Нафися. Разница в возрасте у них такая, что в ту пору, о которой речь пойдёт, моей бабушки ещё и в помине не было. Жила Нафися в доме родителей своих в старинной татарской деревне Шмалак, росла красавицей: косы густые до пят, брови тонкие, как тетива натянутого лука, глаза крупные, выразительные,—загляденье. И вот исполнилось ей пятнадцать лет: для татарской деревни—самый невестин возраст.

А тут как раз к тому времени поселилась в Шмалаке большая крестьянская семья, из Турции переехали. И в семье той—аж девять родных братьев! Посватался к Нафисе старший брат. Выдали её замуж. Пришла невестка в новую семью, всем по душе пришлось: и свекрови, и свёкру, и золовкам, и восьми деверям. Да и как иначе: и внимательная ко всем, и хозяйственная, и работящая, и улыбчивая, и скромница. А когда увидел её впервые младший брат её мужа, второй по старшинству, Яхья, так и оборвалось у парня сердце: «Ах, какая же красавица брату досталась! Вот ведь как повезло! Как жаль, что не мне...»

Но что теперь поделаешь? Знать, судьба такая. Вздохнул Яхья, опустил глаза и стал жить дальше. Только мимо Нафиси старался не проходить лишний раз и не смотреть на неё даже издали. Зачем сердце тревожить? Пусть брат будет с ней счастлив и спокоен. В семье Нафиси уже появился первенец, сын, когда случилось большое несчастье: её муж сильно простудился, долго болел и, к несчастью, умер. Не стало в молодой семье кормильца. Айнетдин, отец Нафиси, пришёл к сватьям и говорит:—Семья у вас большая, малых детишек много, всех кормить, всех на ноги поднимать надо... Трудно вам будет ещё и молодой вдове с ребёнком помогать. А у нас семья небольшая, малых детушек и вовсе нет. Спасибо вам за ласку и заботу о Нафисе. Заберу я, наверное, дочку и внука к себе.

Отвечают мужнины родители Айнетдину:—Это мы вас благодарить должны за то, что такую дочь вырастили, воспитали! С тех пор, как вошла

она в наш дом, в нём словно светлее стало. Родной нам стала Нафиса. Не отпустим мы её! Она теперь — член нашей семьи! По древнему восточному обычаю, если чья-то жена становится вдовой, то на ней обязан жениться брат покойного. Жениться и заботиться о ней и её детях. Поглядите, сколько у нас сыновей!

Переглянулись со своими родителями восемь братьев. Забилось сердце Яхьи сильно-сильно: вот-вот от волнения из груди выскочит...

Так они и поженились. Оказывается, и Нафиса к Яхье давно уже была равнодушна, только виду не показывала. Первый муж был старше её, а с Яхьёй они были ровесниками, понимали и чувствовали друг друга с полуслова. Прожили Яхья и Нафиса жизнь долгую и всегда, до самой старости, до последнего своего дня, трогательно заботились друг о друге. Бывало, достанется Яхье яблочко: он к жене идёт, половинку ей отдаст обязательно. А найдётся у Нафиси кусочек хлебушка: она бежит, зовёт, ищет Яхью: вдруг муж проголодался? Им было уже под сто лет, а спать они вместе ложились, согревали друг друга.

Обнимутся, бывало, старенькие, как голубки, и спят. Дожили Нафиса и Яхья на свете белом до ста двух лет и покинули Шмалак в один год...

Люди спрашивали иногда бабушку Нафису и дедушку Яхью: что же вас до сей поры рядом держит? Что продлевает вам жизнь? А они переглянутся между собой, улыбнутся друг другу и отвечают:

— Мэхэббэт.

По-тагарски это значит «Любовь»...

Элиза

В те далёкие времена, когда корабли водили, ориентируясь по звёздам, а уходя в море, ещё не знали всего, что может встретиться на пути, в одной прекрасной приморской стране жил принц, единственный наследник трона. Он с детства любил корабли и мечтал о дальних морских странствиях. Родители наняли ему лучших учителей, опытных морских капитанов, и когда мальчик стал юношей, он уже многое знал и умел в морском деле.

Однажды, после учебного плавания неподалёку от дома, он взял удочку и пошёл на берег порыбачить немножко. Ему нравилось рыбачить. А поскольку парень он был очень самостоятельный, то ходил на рыбалку один, без придворных. Однако клёва не было. Мало того, появилась девчонка-подросток из ближней рыбацкой деревушки, которая начала насмешничать над неудачливым рыбаком. Она язвила так метко, что в конце концов вынудила принца бросить удочку и уйти. Но, уходя, принц воскликнул, обращаясь к обидчице:

— Сегодня мне просто не повезло! Я — отличный рыбак! Приходи завтра на это же место и сама увидишь: сколько я наловлю рыбы одной удочкой!

В ответ девушка опять громко рассмеялась. Вечером следующего дня принц, чья гордость была явно задета, взял свою самую лучшую удочку и отправился на берег в то же место. Там никого не было. Юноша подождал, потом пожал плечами и начал рыбачить просто так, не на спор, а в своё удовольствие. В этот раз клёв был отменным. Уже поднялась над морем луна, когда увлечённого рыбалкой принца окликнул знакомый голос: — Меня зовут Элиза. Прости, что вчера посмеялась над тобой. Я была неправа...

Так принц познакомился с Элизой. Она была сиротой, отец не вернулся с моря, мама долго болела, а потом её не стало. Принц полюбил Элизу всем сердцем. Сразу. И она его тоже. Но они не решились сказать об этом друг другу. Такой трогательной и нежной была их первая любовь...

Он даже не сказал ей, что он — принц. Постеснялся обидеть. Она ведь могла и не поверить. А она и не спрашивала, где он живёт и можно ли прийти в гости. Гордость ей этого не позволяла. Они часто бродили вдоль берега или сидели и наблюдали за луной над волнами, а иногда и за восходом солнца. Им было хорошо вместе.

Но наступил день, когда король поручил ему возглавить один из четырёх кораблей, отправлявшихся в далёкое путешествие — открывать новые земли и новые моря-океаны. Принц мечтал об этом с детства, и потом, это было поручение самого короля, нельзя было отказаться — даже ради любимой девушки.

Ему пришлось обо всём рассказать на их последнем свидании. В конце своей речи взволнованный принц признался Элизе в любви и попросил её руки. Девушка была счастлива и печальна одновременно. Она согласилась стать его женой, когда её любимый вернётся из дальних странствий, и обещала ждать его, сколько бы ни продлилось это его путешествие.

Наутро принц уплыл вместе с лучшими моряками королевства. Они рассчитывали вернуться самое большее через год, но прошло три года, когда в королевском порту появился одинокий корабль — всё, что осталось от гордой флотилии. Бури, болезни и сражения с пиратами сделали своё дело.

Принц остался жив и благодаря полученным знаниям сумел по звёздам вернуть корабль домой. Все три года, пока он плыл на корабле и глядел на огромное звёздное небо, он вспоминал об Элизе...

В стране, пока он отсутствовал, произошли горькие события. В те времена не умели спастись от эпидемий, страшная болезнь уносила множество людских жизней. Не стало короля и королевы. Ещё не опомнившись от горя, принц, ставший теперь королём, направился к Элизе, чтобы исполнить своё обещание, у него больше не было никого, кроме неё. Но он не нашёл её там, где когда-то оставил.

В деревушке сказали, что Элиза тоже заболела, как все, но она выжила. Однако болезнь сильно обезобразила её лицо и тело. Девушка так страдала от этого, что однажды села в маленькую рыбацью лодку и уплыла в бескрайнее море. И больше её никто не видел.

— Не верю! — отчаянно закричал принц и взглянул на небо.

Небо стало беззвёздным для принца. Пустым и чёрным. Ни солнца, ни луны, ни единой звезды более не существовало... Он видел людей, видел всё вокруг, но не видел ни одного источника света! Он не знал, где она! Он не верил в то, что её нет, но не мог найти её нигде — ни на земле, ни на море... Где бы он ни находился, ему не хватало отца, матери и Элизы, любимой, родной Элизы!..

Однажды, собрались у дворца старые моряки. Молодой король вернулся из плавания не с пустыми руками: корабли его флотилии совершили величайшие открытия, но путь к новым землям и океанам был известен только молодому королю. Они понимали, что он теперь не сможет вести корабли, поскольку не видит звёзд... И им придётся делать это самим, надеясь на сохранившиеся карты и записи прежней экспедиции. Но без дозволения короля ими никто не мог бы воспользоваться. Делегация моряков направилась к правителю страны.

Они рассказали ему о своих планах. Тогда он ответил им, что пойдёт в море вместе с ними. Никто из моряков не посмел напомнить молодому королю о его странной слепоте.

В назначенный день и час молодой король взошёл на борт нового корабля, носящего имя Элизы, и отдал приказ отплывать. И корабль двинулся в открытое море. Следом за «Элизой» двинулись и другие корабли. А король спустился в каюту и лёг спать...

Он проснулся среди ночи. Внезапно во сне ему показалось, что кто-то его зовёт. Он поднялся на палубу и вдруг увидел яркое звёздное небо! И лунную дорожку меж волн. А вдали на серебристых волнах темнела маленькая рыбацкая лодка.

«Элиза! Моя Элиза!» — мгновенно подумал король, и сердце его забило так сильно, так радостно! Он снова видел звёзды! Он мог вести корабль! А там, впереди, отныне во время всего их морского путешествия то и дело возникала маленькая рыбацья лодка, и виднелась в ней тоненькая фигурка девушки, которая вечно ждёт, вечно любит и никогда не оставляет любимого.

О тебе

Возле реки, возле горы, возле леса, посреди земли с прекрасными плодами, цветами, птицами, под чудесными облаками, под яркими звёздами, под тёплым и ласковым солнцем жила-была ты. Маленькая, доверчивая и смешная. Над тобой

хохотало море, ухохатывалось горное эхо, посмеивались ручьи, а верблюжья колючка — просто каталась от смеха по всей пустыне. А вообще, если честно, ты была очень красивой. Проходившее мимо время иногда спотыкалось, заглядываясь на тебя. Ветер ахал, завидев тебя, и устремлялся навстречу. Дождь обливался слезами, если не мог найти тебя, а вьюга — не могла успокоиться, пока ты не выглянешь в окно. Ты всем верила, и все любили тебя, потому что иначе и быть не могло.

Прошло много-много лет. Выросли новые деревья в саду, пролегли новые дороги в снежных и песчаных пустынях, всюду появились новые города. Многие изменились вокруг. Но не всё. Потому что есть ты: маленькая, доверчивая и смешная. И очень, очень красивая.

Как всегда...

Мешок картошки

Влюбился мешок картошки в корзину с цветами. Но между ними встало мусорное ведро.

«Он мой! — сказала оно корзине и добавило с нежностью: — Разве ты не знаешь, что в нём половина картошки уже сгнила?» Идёт горемычная корзина цветов и чуть не плачет. А навстречу ей — ящик пива и ящик водки. Заметили они корзину, погнались за ней. Бежит бедная корзина, кричит: «Спасите! Помогите!» Выскочил из-за угла геройский мешок картошки, набросился на ящики и обоих поколотил. Ликуют цветы, радуется корзина. Достались оба злых ящика большому мусорному контейнеру... А рядом, в том самом мусорном ведре, лежало то, что осталось от мешка с картошкой...

Корзина вернулась к ведру и отдала ему все свои цветы в обмен на то, что в нём лежало. Ведро долго смеялось над глупой корзиной.

Прошло время. Теперь в корзине растёт много картошки — есть там и цветы, есть и клубни. А в мусорном ведре давно уже ничего нет.

Как зайцы женились

Выросли у мамы-зайчихи три сыночка-зайчика. Все ласковые, послушные зай-паиньки. У каждого свои особенности. Старшенький — умница, глазоньки большие, лоб — не лоб, а лбище, такой выдающийся. За то его и прозвали Лобзаем. Средненькому — купаться нравилось, в баньке родился. Оттого и прозвали Банзаем. А младшенький — страсть как любил, чтоб ему спинку тёрли. Вот если никто не потрёт, тогда он у деревца встанет и сам трётся об него спинкой. И нарекли его за это Терзаем.

Собрались братья Лобзай, Банзай и Терзай жениться. Позвала мама сваху Восвоясю и муженька её, дяденьку Восвояся, тоже позвала. Стали думать-гадать, к кому свататься.

Ну, со старшим всё решилось легко, у него уже была подружка хорошая, соседская — Борзая. В бору родилась, лес любила, да и нравился ей жених давно, сама часто в гости звала:

— Иди ко мне, Лобзай!

Он сразу и шёл, не перечил. Мягкий Лобзай, добрый, отзывчивый. Борзая с ним что хотела, то и делала.

Банзаю маленькая пухленькая Ползая досталась в жёнушки. За росточек небольшой её таким имечком и наградили, половинкой. Банзай со свадьбой тянуть не стал. Такой он нетерпеливый. Подошёл, спросил:

— Вы Ползая?

— Да, а что?

— Разрешите на вас жениться?

Вот и весь сказ. Эти двое как поженились, тут же новую баньку отстроили.

Остался горемыка-младшенький. Ни одна зайка не хотела идти замуж за Терзая. Ну и что, что он на вид кроткий: имя-то какое грозное! Выйдешь за такого, а вдруг он терзать начнёт?

Мама-зайчиха со свахой Восвоясей разругалась от огорчения и отправила их обоих с дяденькой Восвоясем согласно их прозвищу — то есть восвояси. А сама объявления расклеила на всех деревьях лесных и столбах придорожных: «Молодому, красивому, воспитанному зайнке срочно требуется невеста. Обращаться под ракитовый кустик к маме».

И вот однажды пришло письмо. Из кроличьей деревеньки: «Здравствуйте, уважаемые зайчики! Хочу замуж. Краля».

За невестой отправилась вся родня: и брат Лобзай с Борзай, и брат Банзай с Ползай, и мама, и Терзай. Назад глянули: старые Восвояси тоже вслед за ними шкандыбают. Всем любопытно: что там за невеста?

Пришли. Краля рада всем. Хлопочет. Угощает капустой, потчует морковкой, яблочки свежие принесла. Песенки спела. Стихотворение прочитала. Про любовь. Всем она понравилась. Ну, Терзай! Повезло тебе! Оставайся!

Вдруг из другой комнатки крольчонок выбежал и — к Крале:

— Мама, мамочка! А мне можно яблочко?

Следом ещё, и ещё, и ещё крольчата. Прыгают, кричат, к маме своей лаастся. Видно, соскучились одни в соседней комнатке прятаться. Не дождалась, когда гости уйдут. Села Краля за стол, голову повинную опустила и тихо заплакала.

Хотели Восвояси возмутиться, только Терзай никому не дал слова сказать, обнял крольчонка и говорит:

— Ешь, маленький, не бойся, я тебе, и братикам твоим, и сестричкам твоим из леса много разных вкусностей принесу: и ягод, и травки свежей, и коры...

Улыбнулся Терзай Крале, а она — ему. Остальные гости переглянулись и вышли тихонечко, чтобы счастьем не мешать.

Нежно-нежно

Жил-был ураганный ветер. Вот уж кто шалить любил, силищу свою показывать: то урну перевернёт, то камушками да песком в окна кидается, то зонтики из рук вырывает. Ох и натерпелись от него, ох и на него наворчались!

А потом начал он слабеть, смирнеть, стихать, еле шевелиться и однажды исчез. Только записку оставил. Заметила записку туча. Отправила за ней пару дождичков. Те как прочитали записку — так расплакались, что все буквы на бумаге расплылись и пропали. Очень уж впечатлительные они были: чуть что — сразу в слёзы. А когда дождики сообщили туче о том, что там прочитали, она тоже сразу нахмурилась, громыхнула с горя и объявила: — Слушайте все! Этой ночью все мы, кто есть, понесли большую потерю. От нас ушёл ветер... Был он громким, озорным, творил большие дела, а ушёл скромно, стараясь никому не помешать, никого не потревожить. Оставил записку. Просил построить похороны как подобает...

И туча разрыдалась.

Берёзка от услышанного в себя прийти не может, стоит как вкопанная. Вспоминает, как вчера ещё он ей листочки ласкал, как шептал что-то нежное-нежное... Ах!..

Воробьи-непоседы чирикают, обсуждают: — Ну и что-что-что, что ушёл! Как ушёл, так и вернётся!..

Туча так глянула на них, что они тут же и разлетелись кто куда.

Начали ветер хоронить. Гроб заказали, музыку, венки. От товарищей, от соседей, от соратников, всё как положено. Где кладбище, правда, никто толком не знает, да и где сам виновник события... Впрочем, о нём плохого не вспоминали, это ж ветер: ну что у него в голове может быть?! Попросят похоронить, значит, надо уважить.

Пошли куда глаза глядят: кто в лес, кто по дрова. Тележку с пустым гробом далеко слышно. Подходят к морю. Море тихое — ветра же нет. Куда дальше идти?

Вдруг вдали потемнело море. Двигается по нему что-то — быстро-быстро. Опомниться не успели, а оно уже тут. Воду мутит, волнами играет, со скалы прыгает! Так это ж ветер!

Опять туча нахмурилась:

— Ах, так ты нас уважаешь? Что за безобразие! Опять подшутил?!

А в ответ слышится:

— Не сердитесь, пожалуйста. Меня дедушка прислал к вам, а на словах просил передать, что он помнит о каждом и что всех очень-очень-очень любит. А ещё он приказал мне служить вам, как служил

ещё дедушкин дедушка, как все-все ветры, слушайте вас, помогать вам, петь для вас, развлекать, чтобы скучно не было, чтобы улыбались всегда. — Как ему там? — прошелестела берёзка, затрепетав в ожидании ответа, и вдруг почувствовала, как кто-то невидимый целует каждый её листочек, нежно-нежно... Вот так...

Поцелуй

Жил-был поцелуй. И было у него множество родных братьев и сестёр. Весной и летом все они порхали с цветка на цветок по лугам, лесам, садам и паркам, всюду, где были цветы. Они с удовольствием ночевали в клумбах и даже просто в букетах, которые кто-нибудь дарил кому-то... В пору осеннего листопада ветер срывал прощальные поцелуи с деревьев вместе с листочками. А зимой морозные свежие поцелуи разлетались по всему свету, словно искрящиеся снежинки.

Поцелуй обожал маленьких спящих детей. Он целовал их так нежно, так ласково, что ни разу не помешал ни одному их сну. Они только улыбались с закрытыми глазами.

Однажды на улице посреди суетливой толпы поцелуй случайно столкнулся с хмурым взглядом. Взгляд скользнул по нему и буркнул:

— Эй, ты, не видел моего хозяина? Я потерялся. — Нет, прости! Тебе помочь?

— Отвяжись! Обойдись без поцелуев. Я хотя бы знаю, что у меня есть хозяин, а ты? Ты знаешь, кому ты принадлежишь?

И хмурый взгляд растворился в толпе.

А поцелуй впервые в жизни смутился, потому что и впрямь не знал ответа. С того времени поцелуй совсем потерял покой. Он блуждает по всему миру и спрашивает у каждого встречного: чей же он? Но никто, никто не может ответить ему. Вот и теперь он здесь, рядом: такой потерянный, нерешительный... уже и спрашивать боится.

Но я-то знаю, что есть один человек, который может вернуть поцелую покой и сделать счастливым навсегда. Этот человек — ты. Ведь это твой поцелуй. Храни же его от печали и, пожалуйста, не теряй. Знаешь, как хранить поцелую? Ими надо делиться с теми, кого любишь. И если они тоже любят тебя, поцелуй непременно вернётся...

Колокольчики

Её смех был подобен лёгкому перезвону тысяч серебряных колокольчиков. Стройная русоволосая девочка в нежно-голубом облегающем платье: на вечеринке у одноклассника мальчики наперебой хотели танцевать с тобой. И ты танцевала так же легко, как лился твой счастливый беззаботный смех, просто радуясь жизни...

На уроке русского языка, пока утомлённая солнцем учительница нудно и однообразно бубнила что-то о суффиксах и ещё о чём-то неимоверно скучном, ты нечаянно зевнула. Глупый мальчишка, твой сосед по парте, ни с того ни с сего — из озорства — вдруг подставил свой указательный палец. И через секунду он же завизжал на весь класс от боли, поскольку когда твои челюсти сомкнулись, оказалось, что ты нечаянно укусила его. Тебя отчитали и выгнали из класса. Но самое главное: тебя пересадили от этого мальчишка за другую парту. Ты не отрицала своей вины. Просто вышла, хлопнув дверью и громко плача. Не столько из-за несправедливого наказания, сколько из-за того, что тебе пересадили за другую парту... Потому что любила его. Хотя никому на свете, даже себе, ещё не признавалась в этом. И он понял всё это — вдруг, в одно мгновение. И стал другим.

Жизнь прошла, развеявшись, словно дым, рассыпавшись, словно пыль выгоревших слов...

Только лёгкий перезвон серебряных колокольчиков где-то там, вдали... Где едва-едва начинается рассвет.